

Светлана Петрова

ФРАЕР И ТИШКА

Началось все с пустяка. Заспорили, кто лучше стреляет и сколько уток можно набить за один утренник. Разговор происходил накануне открытия охотничьего сезона на территории загородного дома артистов областного театра оперы и балета.

Еще в советские времена нашелся среди них один продвинутый умник и организовал в девственном лесу, в каких-нибудь двух десятках километров от промышленного города жилищно-строительный кооператив. Тогда не многие соблазнились: кто денег пожалел, кто комфортом избаловаться не успел и предпочитал традиционную летнюю дачку с садиком, огородиком и дощатым отхожим местом, а когда спохватились - поезд ушел. Вырос на песчаном волжском берегу трехэтажный, сильно вытянутый в длину, кирпичный дом со всеми удобствами. Правда, газовые плиты ради удешевления квадратного метра поставили в прихожих, да и сами квартиры оказались невелики, однако цены им теперь не было.

Особенно, если брать во внимание пейзаж. Комнаты выходили окнами на просторную лоджию, обращенную к реке, по которой бежали белые пароходы и сонно проплывали широкие баржи. От одного этого вида можно было стать художником, или сделаться добрее, или излечиться от нервного недуга.

В тот теплый августовский вечер в беседке, облюбованной игроками в преферанс, сидели первый танцовщик театра Тихомиров, ведущий тенор Сайко и бас второго положения Кузьев. Через неделю, раньше обычного из-за того, что сезон открывался новой постановкой, намечался сбор труппы. Неразлучные картежники, которые к тому же числились заядлыми охотниками, могли лишь сетовать на такое неудачное стечение обстоятельств, утешаясь пустой болтовней.

Сайко, или Мой Красавец, злился больше других. Прозвище он получил не за внешность, а исключительно за привычку с такими словами обращаться к собеседнику. Мелкий, белесый, заметно полнеющий, с влажным лбом, он держался и жестикулировал, как избалованный ребенок. Тесть, местный вице-губернатор, недавно подарил ему ко дню рождения новенькую "Тулку", но чтобы набрать форму к премьере, требовалось время, к тому же он боялся заработать на свежем осеннем воздухе трахеит – коварную болезнь вокалистов. С досады тенор пуще других врал, что влет стреляет без промаха и с собакой да при хорошей тяге полсотни уток за один заход ему – раз плюнуть.

Собака по кличке Марфа - умело натасканный по водоплавающей дичи спрингер-спаниель, чистопородный, только немного кучерявый - имела у Кузьева, неторопливого здоровенного мужика, сохранившего, несмотря на актерскую профессию, деревенские повадки и рубленый отеческий дом в глухом заволжском углу. Он вел полноценное натуральное хозяйство, заготавливал на зиму огурцы-яблоки да грибы-ягоды и, за неимением в округе егелей, баловался ружьишком круглое лето. Поэтому его не тянуло ни рассказывать байки, ни сидеть на зорьке, когда в охотничьих местах любителей собирается больше, чем птиц, а в пять утра дня их округа взрывается такой канонадой, будто война началась. Вот поиграть в картишки в привычной компании он любил, для того сюда и приехал, хотя пайщиком кооператива за ненадобностью не стал.

Основательный Кузьев терпением обладал неистощимым. Он подолгу ждал удачной карты, хорошо помнил, что осталось на руках, и трезво рассчитывал ходы. Прекрасно изучив сильные и слабые стороны постоянных партнеров, подкарауливал малейшую их